

«Брат, счастлив ли ты?»

О книге *Гершензон М.О. «Узнать и полюбить». Из переписки 1893 – 1925 годов.* – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 512 с. – (серия «Российские Пропилеи»)

Смирнова Н.Н., ИМЛИ РАН, Москва

Для изучения творчества мыслителя, почти не оставившего дневников, переписка – важнейший документ, в котором отражается я говорящего. Это при том, что *личность* – ключевая категория в философских опытах Михаила Осиповича Гершензона (1869 – 1925). «Все сущее в мире – единая субстанция, - читаем в трактате «Тройственный образ совершенства» (1918), - но единая мировая субстанция пребывает лишь в отдельных формах. Нет ничего самобытного, ибо в основе своей все едино и слитно; но также нет ничего, что существовало бы не как личность»¹. Личность мыслится Гершензоном как в одушевленной, так и в неодушевленной материи (по его мнению, неодушевленность невозможна для единичного сознания: именно поэтому древний человек почитал в каждой вещи ее душу). Гершензону-философу, вопреки всем установленным позитивной наукой правилам, удавалось найти личность каждого предмета, к которому он обращался: исторического события, книги, идеи, огненную стихию Ветхозаветного Бога в осколках мысли Гераклита и мудрость первобытного дикаря в бессмертных строках Пушкина. Оттого современникам и казалось, что это не философия, а тайнодействие. Хорошо понимал и разделял такую личностную позицию только Лев Шестов, для которого философия была размышлением о самом важном, о единичном существовании, протестующем против втискивания во всеяческие рамки, пока в нем не угасает огонь Творца.

Письмо – это особая форма обращения к своему alter ego в личности собеседника; попытка обыденным языком выразить невыразимое. Эпистолярное наследие – не только живая история, но и форма мысли, для которой нет иной возможности существования.

Гершензон всегда осознавал монологизм своего мышления, и оттого искал формы, способные его уравновесить. Отсюда – тяготение к истории², будто бы говорящей своим языком, в который надо только вслушиваться; а также фрагментарной форме выражения (однако разрозненные мысли сливаются в единый текст, как, например, «Видение поэта» (1911 – 1919)). Все существенное, будучи однажды высказанным, становится развитием *одной единственной мысли*, в противоположность *системе мыслей*, в духе некогда найденного Шопенгауэром³.

---

¹ *Гершензон, М.О. Избранное.* Т. 1 – 4. Москва – Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000. Т. 4, с. 63.

² «История молодой России» (1908), «Исторические записки» (1910), «Образы прошлого» (1912) и многие другие работы, посвященные развитию русской общественной мысли никак не укладываются в представление о собственно историческом труде.

³ Гершензон испытал очевидное влияние традиции мышления обозначенной А. Шопенгауэром как *развитие одной-единственной мысли* (см.: Шопенгауэр

Монологизм может развиваться как постоянно обновляющееся иное одной единственной мысли. В предельном выражении находим его рефлексию опять-таки в «Тройственном образе совершенства» – главном философском сочинении Гершензона: «Я не все, не везде, не всегда, но только вот этот, здесь и сейчас. Мое бытие исключает всякое иное бытие. Я – отдельный атом мироздания. <...> В каждый отдельный миг я всем моим бытием и каждым его проявлением осуждаю на смерть все существующее, кроме двух частиц его: меня самого и предмета моего суждения или желания. Я говорю миру: “сгинь, пропади, для того чтобы я уцелел!” – но один я не могу уцелеть; я должен унести с собой и спасти еще хоть одно создание: предмет моего суждения или желания. Один я не могу уцелеть, как я никогда и не существовал один. В каждое мгновение жизни я нераздельно слит хоть с одним атомом, который не я, и через него – со всем мирозданием...»⁴. Так, в противоположность описанной Шопенгауэром архитектурной связи мыслей в системе, *одна единственная мысль*, как «отдельный атом мироздания», может превращаться в свое иное, вступая в спасительный контакт с другим «атомом». Отстаивая свою самость и отдельность, она, тем не менее, существует в обращении к другому. В размышлении как *личном деле*⁵ Гершензон видит контакт нацеленности и приязни, иначе мысль остается обращенной ко всем и никому в частности застывшей ценностью.

Переписка – обширное поле, где можно видеть, каким семенам суждено было взойти, а что осталось одно. Мысль не существует вне личности, ее высказавшей. То есть, конечно, она может быть оторвана и вынесена на всеобщее обозрение (как, например, небезызвестная фраза из веховской статьи самого Гершензона), но тогда она уже ничего не говорит сама, а только то, ради чего ее приводят. Таковы все пословицы, афоризмы, максимы, - фразы, некогда кем-то высказанные, а впоследствии служащие подтверждением, доказательством, свидетельством чего-то далекого от самих себя. Таковы и слова, употребляемые в переносных значениях, и бесконечно их наращивающие.

В этом смысле, слово, высказанное в письме, по конкретному поводу, наиболее отчетливо и многозначно. Его труднее всего оторвать от личности говорящего. Его нельзя бесконечно толковать, объясняя это условностью жанра, замысла, стиля, - оно здесь и сейчас во всей своей определенности, высказанное одной личностью и прямо адресованное другой. Непосредственность выражения слова автора к предмету его «суждения или желания» всегда подкупало читателя прямоотой свидетельства.

В только что вышедшей книге избранной переписки М.О.Гершензона мы найдем корреспонденцию с В.Я.Брюсовым, А.Л.Волынским, А.Г.Горнфельдом, Л.П.Гроссманом, М.А.Кузминым, Н.О.Лернером, С.П.Мельгуновым, Н.К.Пиксановым, А.М.Ремизовым, М.В.Сабашниковым, П.Н.Сакулиным, М.А.Цявловским, П.Е.Щёголевым. Личность ученого представлена, таким образом, во всем разнообразии его деятельной натуры: мыслитель, историк, филолог, свидетель и летописец современности. Особый интерес представляет переписка с В.А.Маклаковым – ровесником и университетским другом Гершензона. Многолетняя переписка с братом, Абрамом Осиповичем Гершензоном (1868 – 1933), представлена только письмами

Шопенгауэр, А. Собрание сочинений в шести томах. М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 1999. Т. 1, с. 4).

⁴ Гершензон, М.О. Указ. соч., с. 113.

⁵ Знаменитая фраза из «Переписки из двух углов»: «Ем ли я, утоляя голод, прикрываю ли наготу свою, или молюсь Богу, - мое дело есть только мое, такое простое и личное» (Гершензон, М.О. Указ. соч., с. 35).

М.О.Гершензона за 1917 год⁶. Также представлены только письма Гершензонов (М.О.Гершензона, его супруги М.Б.Гольденвейзер и их детей, Сергея и Наталии) к близкому другу семьи – Е.Н.Орловой. Сухой комментарий, сопровождающий это издание, настраивает читательскую потребность в собственном поиске диалога с прочитанным.

Эта книга, безусловно, первый подступ к изданию обширной переписки ученого, для которого личное отношение к предмету «суждения или желания» всегда было важнее безразличной «объективности». В этом отношении личности к личности, «двух частиц», *я и не я*, мыслитель видел основу мироздания. Вселенная зиждется на «восприятии» одного «атома» другим. Гершензон и сам чувствовал необходимость непосредственного, здесь и сейчас (вне рамок отстраняющей объективности, обусловленной жанром научного сочинения) выражения некоторых своих идей, и использовал для этого эпистолярный жанр. В философском эссе «Письма к брату» (1900 – 1907), вдохновленным многолетней перепиской с А.О.Гершензоном, главная тема выводится предельными вопросами в их простом человеческом выражении: «Брат, счастлив ли ты? В чем твоя вера? И сносна ли тебе еще жизнь, или уже манит тебя отдых смерти?»⁷.

---

⁶ В 1927 году вышла книга писем М.О.Гершензона к брату, охватывающая период с ноября 1888 по декабрь 1917 гг., подготовленная М.А.Цявловским (*Гершензон М.О. Письма к брату: Избранные места / Вступит. ст. и примеч. М.Цявловского. Изд. М. и С. Сабашниковых. Л., 1927.*)

⁷ *Русская Мысль*. 1907. Кн. II. С. 86. Подписано: Junior.